

13. Mackiewicz (Cat) S. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r. Warszawa: Głos, 1990.

14. Pilch A. Studencki ruch polityczny w Polsce 1932—1939. Warszawa, 1972.

15. Pruszkowski A. Przewodnik społeczny. Warszawa, 1934.

16. Selimowski T. Polskie legalne stronnictwa polityczne. Zarys populiny. Warszawa, 1934.

И. Г. Подпорин, А. Ю. Опарин

*Белорусский государственный
аграрный технический университет, г. Минск*

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ

В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. (по старому стилю) в России произошло событие, которое навсегда изменило ее историческую судьбу. Вооруженный отряд, ведомый В. А. Антоновым-Овсеенко, через боковое крыло Зимнего дворца проник во дворец и арестовал Временное правительство России. Таковы внешние контуры того, что в последующей советской традиции было принято именовать «Великая Октябрьская социалистическая революция». В той же традиции Октябрь 1917 г. было принято представлять в качестве известного завершения Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., что в целом соответствовало установкам лидеров РСДРП(б)-РКП(б).

В «лихие 90-е» произошел кардинальный пересмотр прежде принятых в советской гуманитаристике позиций относительно статуса и роли Октябрьской революции. Пересмотру подверглось и прежнее восприятие отношений между февралем и октябрём 1917 г. Этому немало способствовало и то, что широкому кругу исследователей стали доступны работы представителей «русского зарубежья», посвященные Октябрю 1917 г., прежде всего мемуары П. В. Милюкова, В. В. Шульгина, ряда других непосредственных

участников октябрьских событий. Результатом этого стало утверждение того, что эти события были *контр*революционным переворотом, перечеркнувшим раз и навсегда все демократические достижения и надежды пореформенного российского общества. В других трактовках октябрьские события 1917 г. стали представлять как простое недоразумение, имевшее, правда, фатальные последствия для России, классифицировались как банальный «военный переворот», совершенный горсткой безумцев, не имевших никакой поддержки среди широких слоев населения. Примерно в этом ключе выдержана и совсем недавно вышедшая книга известного российского публициста М. Веллера «Гражданская история безумной войны», написанная в соавторстве с историком и философом А. Буровским [3].

Не вступая в полемику с уважаемыми авторами, как, впрочем, и в возможную полемику с апологетами исторической роли и значения Октября, мы заметим лишь здесь, что в настоящем докладе нас интересует скорее философский контекст и, что не менее важно, — философский *подтекст* произошедшего с Россией в октябре 1917-го. В этом смысле мы далеки от каких-либо исторических констатаций и далеко идущих выводов. Рассматривая октябрьские события как реализацию некоторого проекта, нас занимает здесь, прежде всего, то, в какой степени этот проект оказался осуществлен, а равно принципиальная его осуществимость. При этом, полагая реализацию его в большей или меньшей степени результатом коллективной политической практики, появление этого революционного проекта на свет мы считаем результатом своеобразного «демонического» участия в ходе русской революции одного из создателей и основного вдохновителя РСДРП(б) — В. И. Ленина (в аутентичном, греческом понимании *демона* — как индифферентного в моральном плане подателя судьбы). Он, несомненно, выступил в качестве главного архитектора октябрьских событий, и именно он своей революционной теорией придал им стройные телеологические и даже сотериологические, мессианские очертания.

Н. Бердяев, обратившись в 1930-х годах к феномену русской революции, в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» писал, что революция есть «малый апокалипсис истории, как и суд внутри истории». Апокалипсис, по Бердяеву, это не всегда откровение о конце мира, о конце истории, порой это откровение о близости конца в самой истории и «обличение неудачи истории», результат ее. Логика общественного развития предполагает, что однажды общество доходит до излома, до предела, когда иррациональные, стихийные силы в нем берут верх, когда процессы разложения становятся подавляющими, а в обществе не находится конструктивных, творческих сил, чтобы преодолеть процессы социальной деградации. «Тогда неизбежен суд над обществом... тогда происходит разрыв времени...» [1, с. 107—108]. Так Бердяев представлял себе суть революции и, кажется, он был недалек от истины. Несмотря на всю метафоричность записи, она, несомненно, схватывает внутреннее содержание революции как исторического прорыва.

В этом смысле если попробовать эксплицировать понятие революции диалектически, то, прежде всего, следует констатировать, что революция абсолютно не может быть в «синтезе» — итоговом этапе гегелевской триады. Она не сохраняет, скорее напротив — она содержится уже в «антитезисе», представляя собой тотальное отрицание, негативность. Революционное «снятие» происходит в плане отрицания, а не в соединении с прежней формой организации социального бытия, «ставшего» бытия. Это предельно отличает социальную революцию от прочих возможных форм социальной трансформации.

Вместе с тем негативность, взятая в этом контексте, созидательна. И это не должно пугать. Как замечает наш бывший общий соотечественник, ныне проживающий в Германии философ Б. Гройс, диалектическая мысль — это «мысль последовательно противоречивая, парадоксальная...», она пытается говорить о жизни, а жизненность именно в этом, — в противоречивости и парадоксальности, — для нее и заключается [4, с. 45—49].

Смысл в том, что негативность может иметь иную историческую привязку, нежели позитивно ставшее. В нашем случае гегелевская триада моделирует социальную, а значит, в том числе и историческую реальность. История абсолютна, но при этом не может не иметь никакого иного статуса, кроме как результирующего совместные целенаправленные усилия людей. Иными словами, история предстает как продукт человеческого праксиса. В этом смысле негативная позиция, рассматриваемая в плане социального, есть также некоторый исторический опыт, возможно даже укорененный в бессознательном. И этот общечеловеческий опыт входит в противоречие с объективно данным.

В марксизме это подано через антагонизм производительных сил и производственных отношений. Первые включают в себя множество компонентов, в том числе и опыт духовный. Может случиться, что именно этот опыт, накопленный в прошлом человеческой истории, окажется доминантой негации.

«Революция подобна смерти, — замечает Бердяев, — она есть прохождение через смерть». В этом ее онтологический статус. Однако в этом для христианина Бердяева состоит еще и ее хранительная роль, потому как прохождение через смерть есть залог обретения новой жизни. И вот этот христианский принцип, задающий телеологичность индивидуального существования, Бердяев переносит в область социального и рассматривает его уже в качестве историософского принципа. При этом заслуга Октября — вероятно, единственная для Бердяева, — состоит в том, что иррациональная сила народного гнева оказалась организована, «оформлена» коммунистической идеологией. И главное достижение его, в этом смысле, в том, что была сохранена русская государственность [1, с. 108—110].

Однако еще раз подчеркнем, что бердяевская работа принадлежит иной эпохе, когда ленинский проект был преодолен, и утопический (от греческого *eutopos* — благословенная страна) политический характер его был замещен «реальной политикой» сталинского государства.

А ведь именно государство — это та инстанция, элиминирование которой предполагал ленинский проект. В некоторой исторической перспективе государство должно было «отмереть». Этому должно было предшествовать насильственное уничтожение буржуазного государства, осуществляющего власть в пользу меньшинства, и замена его пролетарским государством. После последовавшего за этим обобществления средств производства происходит постепенное отмирание остатков государственности. Последний процесс весьма длительный — это признает и сам Ленин [6, с. 18, 85].

Для марксизма вообще государство — это институт социального принуждения, возникший в связи с формированием классового общества и ввиду необходимости контролирования и санации низших классов. «Всякое государство «есть особая сила» для подавления угнетенного класса. Поэтому *всякое* государство *несвободно* и *ненаивно*...», — так эту мысль отражает Ленин [6, с. 20]. Ленин вообще старается ни на йоту не отступить от ортодоксального марксизма, идет даже дальше Маркса, предельно радикализируя положения его политической философии и обращая его предположения в практику.

Ленин в отличие от Бердяева давно не христианин, прежняя вера Ленина претерпела значительную трансформацию, превратившись в идею торжества революционного меньшинства, вооруженного абсолютным знанием и способного подчинить ему всю полноту жизни. Религия Ленина — это революционная практика, основанная на революционной воле и имеющая своей целью тотальную, сиречь — целостную, реорганизацию общественного бытия. При этом для Ленина пролетариат — вполне эмпирический класс. Но специфика ленинского проекта в том, что он делает пролетариат абсолютным, при этом абсолютизируя его как возможность и превращая в исключительный инструмент реализации революционной воли. Абсолютная идея пролетариата состоит в том, что он должен, *обязан* организовать общество сверху. С целью чего этому

пролетариату вменяют «революционную сердцевину» и идею диктатуры пролетариата, которая так никогда не была реализована в полном объеме. Так роль пролетариата приобретает вполне *мессианские* черты.

В ленинском плане революция предполагает чистую негацию капитализма, переходящую в иной свой «стазис» — построение социального мира, основанного на принципах солидарности. Это — негация в своем созидательном смысле: возврат к прежним социальным условиям, но на качественно ином историческом уровне. Не первобытно-общинная солидарность, стихийная и основанная на прагматике выживания рода, но солидарность, основанная на рационально принятых этических правилах и сознательно ориентированная на ценности социума. В последующем — солидарность, ставшая привычкой, обыденностью. «Когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития», к соблюдению этих правил без насилия и *без особого аппарата* принуждения, «и когда их труд станет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*» — это и будет означать предельную энтелехию марксистской социальной формы [6, с. 90—97]. Несомненно, что это кроме всего прочего еще и возвращение к новоевропейской традиции, которую марксизм реабилитирует, восстанавливая в правах ее подлинный онтологический смысл, маркированный идеями свободы, равенства и братства.

Однако Ленин форсирует события. Он проектирует революцию, имеющую своей целью «снятие» государства. Но прежде реализуется замена его пролетарским государством, что происходит за счет введения народных субститутов государственной власти. «Устранение полиции, армии, чиновничества», — это считает необходимым Ленин [7, с. 53]. Их должны заменить организованные массы трудящихся, вооруженное население. Более того, по мысли Ленина, отправление государственных полномочий должно потерять свой привилегированный статус. Государство на этом этапе должно стать тем, чем оно по факту являет-

ся — определенным набором социально-ориентированных функций. При этом чиновничьи функции должны перейти в руки выборных и ответственных перед трудящимися лиц, которые в любой момент могут быть сменены [6, с. 44]. Это предполагало свободную политическую активность трудящихся, их волевою установку на политическое участие. В конечном счете, однако, организованная так диктатура пролетариата превращается в диктатуру организованного *меньшинства* пролетариата, который вскоре начинает перерождаться в класс новых эксплуататоров — советскую бюрократию, которой эта политическая активность была в итоге «выхолощена» и сведена к жестко регламентированному набору процедур.

Будучи так понят, ленинский революционный проект далеко выходит за рамки того, что мы называем социальной революцией в узком смысле слова. Мы называем этот проект *сотериологическим* (вслед за Н. Бердяевым) или даже *антропологическим* (следуя логике французского философа Ж. Батая). Так или иначе — он еще и коммунистический, поскольку предполагает получение результата, *общего* для всех. Подобный характер революционного замысла вполне соответствовал духу марксизма, для которого радикальные социальные изменения были не чем иным, как попыткой привести социальное бытие в соответствие с человеческой природой (которая, как известно — есть, прежде всего, конструкция социальная) и тем самым — освободить человека. На наш взгляд, в ленинском проекте достаточно очевидна утопичность, однако мы хотим подчеркнуть те особенности революционного утопизма, которые придают ленинскому утопизму совершенно особый характер.

Утопичность ленинского проекта — не романтическая. Октябрьская революция не была восторженным прорывом и героическим свершением. Любой утопический проект черпает свои силы в пространстве разрыва сущего и должного. Специфика ленинского утопизма в том, что он основан на принципиальном подозрении, которое демонстри-

рует отказ не только от сущёго, но и ставит под вопрос должное. Он питается не наивной верой в возможность невозможного, а основан на постоянной готовности к рефлексивной (до репрессивной) критике. Кажется, Ленин был готов не только действовать в соответствии с логикой истории, но и поставить ее под сомнение [5, с. 5—17]. Такой радикальный утопизм, по-видимому, связан не просто со стремлением привести реальность в соответствие замыслу. Кажется, Ленин мог ради революции совершенно переделать марксизм.

Итак, речь идет об утопизме, который связан с вопросом об определении ситуации: вдруг вся безнадежность положения, все сопротивление условий, в которых приходится действовать, приведет к чему-то совсем новому? По крайней мере, вопрос о том, как мы видим реальность, возникает для Ленина. Уже само по себе это репрезентирует напряженную готовность к пересмотру своих представлений в пользу революционной практики.

Разве сотериологическое видение эсхатологической перспективы, о которой говорит Бердяев, исключает подобную готовность? Напротив, именно сотериология, имеющая трансцендентную цель, питает подобное напряжение. Такой ракурс ленинского проекта позволяет говорить о нем уже не как об утопии, а как о религии. Сотериологическое чувство основано на присутствии постоянной *недостаточности*, если угодно, ущербности: мир не таков как надо, ему всегда чего-то не достает, мы не такие и т. п. Это иудео-христианское понимание полагает реальность *незавершенной*.

Возможна и другая интерпретация, которая касается незавершенности жизни. Концептуальный аппарат такого видения предоставляет «общая экономика» Ж. Батая, показывающая, что человеческое отрицающее отношение к реальности связано не с ее недостаточностью, а с *избыточностью*. Неумеренная необоснованная трата, бесполезное расходование избыточной энергии присуще человеку по природе. Принципиально антропологическим актом выступает жертвоприношение — уничтожение полезного,

того, что служит. Такая антропологическая перспектива задает и особое осмысление социальных явлений. Конечно, революция служит средством, но в своем порыве она неизбежно доходит до необоснованной траты и в этом смысле является жертвоприношением [1, с. 114—120].

Каким бы подходом мы ни пользовались, возникает мысль о том, что революционная утопия — не просто утопия, поскольку не равна самой себе. Эта несамотождественность революции (и, в частности, Октябрьской революции) как раз и показывает ее незавершенность.

Литература

1. **Батай Ж.** Проклятая часть. М.: Ладомир, 2006.
2. **Бердяев Н.** Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
3. **Веллер М., Буровский А.** Гражданская история безумной войны. М.: АСТ, 2007.
4. **Гройс Б.** Коммунистический постскрипtum. М.: Ad Marginem, 2007.
5. **Жижек С.** 13 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2003.
6. **Ленин В. И.** Государство и революция. М.: Политиздат, 1981.
7. **Ленин В. И.** Письма из далека. «Апрельские тезисы» («О задачах пролетариата в данной революции»). М.: Политиздат, 1968.
8. **Ненароков А.** 1917. Краткая история, документы, фотографии. М.: Политиздат, 1980.

Н. В. Смехович

Институт истории НАН Беларуси г. Минск

НОВЕЙШАЯ БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (1991—2006 гг.)

Методологические направления в современной белорусской историографии

В 1990-х годах произошли кардинальные изменения в изучении истории советского общества. Методологический кризис постсоветской исторической науки породил